

Обсуждаем статью «Знание»

В этом номере мы предлагаем вниманию читателей три варианта энциклопедической статьи «Знание», которые являются версиями уже опубликованных работ. В статьях намеренно не приводятся списки литературы и энциклопедические ссылки. Надеемся, что актуальность проблемы и различие представленных подходов вызовет желание обсудить эти тексты и внесет вклад в подготовку статьи «Знание» для «Энциклопедии эпистемологии и философии науки», которая составляется членами редколлегии нашего журнала.

* * *

Этимология слова «эпистемология» подсказывает нам, что знание является предметом этой философской дисциплины. Возможно поэтому так трудно дать более-менее однозначное определение того, что есть «знание». Издавна идет спор о предмете философии, отчасти это относится и к предмету эпистемологии как одной из главных областей философии. К тому же понятие «знание» является одним из самых общих, а таковым всегда сложно дать однозначное определение.

Эпистемология является рефлексивной дисциплиной, она не может просто постулировать свой предмет, но должна выявлять и анализировать реальные феномены знания, существующие в различных сферах деятельности людей. И здесь открывается многообразие таких феноменов. Слова «знание», «знаю» употребляются в естественном и научном языках в самых разных контекстах и могут иметь очень много значений. Например, в простой фразе «Я хорошо знаю Москву» слово «знаю» будет обозначать разные вещи (компетенцию, знакомство, различные виды информации), когда ее произносит таксист, старожил-москвич, турист, историк, географ или социолог.

Существует также целый ряд форм знания, которые носят интересно-субъективный, социальный характер: от мифа и обыденного опыта до позитивных наук и технического знания. В этом плане возможна феноменология знания (Гегель, Кассирер), или же анализ этих форм в рамках социологии знания. Хотя для современной эпистемологической литературы и характерно расширительное по сравнению с классической теорией познания толкование термина «знание» (это нашло отражение и в помещенных ниже статьях), но где границы такого расширения? «Социология знания должна

заниматься всем тем, что считается «знанием» в обществе»¹. Должна ли всем этим заниматься и эпистемология?

Для эпистемологии, видимо, более подходит критическая установка по отношению к многообразию когнитивных феноменов, предполагающая, что далеко не все из них могут претендовать на статус знания. Достаточно ясно такой подход сформулировал Кант, который не сомневался в том, что люди обладают знанием — в науке, в повседневной жизни, в философии. Но это знание окружено, а нередко и переплетено с тем, что только кажется знанием, а на деле является спекулятивной метафизикой, ложной претензией на ясновидение, суждениями о том, что выходит за границы возможностей человеческого знания и т.п.

Однако критический анализ практически неизбежно приводит к тому, что знанию приходится приписывать характеристики обоснованности и истинности (что не противоречит и самому значению этого слова, ведь мы не можем называть иллюзии или заблуждения знанием). Здесь нас ждут свои проблемы: как соединить истинностные характеристики с релятивизмом, требование обоснованности с антифундаментализмом, а то и другое с фальсифицизмом, представлением о том, что все наши реальные знания имеют лишь предположительный характер?

Эти замечания только вкратце описывают тот сложный контекст, в котором в современной эпистемологии приходится анализировать понятие «знание». Поэтому любопытно посмотреть, как авторы статей решают или обходят все эти проблемы.

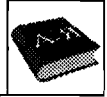
* * *

А.Л. Никифоров

Знание — результат процесса познания, обычно выраженный в языке или в какой-либо знаковой форме и допускающий истинностную оценку.

Стремление понять, что такое знание и чем оно отличается от других продуктов человеческого мышления, характерно уже для философов античности, которые поставили и пытались разрешить проблему: чем знание (*episteme*) отличается от мнения (*doxa*)? Если кратко резюмировать воззрения Ксенофана, Гераклита, Парменида, Платона и Аристотеля по этому вопросу, то можно сказать, что античные мыслители относили мнение к чувственно воспринимаемому изменчивому миру, а знание — к умопостижаемому миру вечных и неизменных сущностей. Мнение может быть истинным или ложным, знание — всегда остается истинным. Это обусловлено тем, что чувственно воспринимаемые вещи изменчивы и любое утверждение, истинное для них в настоящий момент, через некоторое время может стать ложным. Например, высказывание «Сократ сидит» в настоящий момент мо-

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 30.

жет быть истинным, если сейчас Сократ действительно сидит. Но вот Сократ встал, и это высказывание стало ложным. Мир идей не изменяется, поэтому высказывания об объектах этого мира всегда остаются истинными, например, высказывание «Человек есть разумное животное» остается истинным, какие бы изменения ни происходили в чувственно воспринимаемом мире и с отдельными конкретными людьми. Таким образом, античные мыслители полагали, что знание всегда остается истинным и может быть получено лишь посредством разума. Некоторые из них склонялись к мысли о том, что знанием владеют лишь бессмертные боги, а на долю людей остается лишь ненадежное мнение.

Для философов Средневековья главной проблемой становится проблема разграничения знания и веры и выяснения отношения между ними. Знание понималось как то, что может быть рационально обосновано, постулаты же веры принимаются без всякого обоснования. В связи с истолкованием взаимоотношения между верой и знанием выделилось три основных позиции. Представители одной (Августин, Ансельм Кентерберийский) утверждали, что постулаты веры предшествуют знанию и служат отправным пунктом при построении рациональных рассуждений: «верую, чтобы понимать» — вот их кредо. Вторая позиция (Абеляр), напротив, настаивала на том, что знание должно предшествовать вере и использоваться для ее обоснования: «понимаю, чтобы веровать». Наконец, сторонники третьей позиции (Тертуллиан, Петр Дамиани) провозглашали несовместимость знания и веры и невозможность рационального обоснования догматов веры: «верую, ибо абсурдно». Таким образом, знание может и должно быть обосновано; вера не нуждается в таком обосновании.

Современная философия, в частности, философия XX в., продолжая старую традицию выделения знания из общей совокупности человеческих убеждений, верований, предрассудков, мнений, ставит вопрос об отличении научного знания от религиозных, философских, идеологических построений (проблема демаркации). К отличительным особенностям научного знания обычно относят: непротиворечивость, эмпирическую проверяемость, логическую или эмпирическую обоснованность. Концепции и утверждения, не обладающие этими характеристиками, лежат за пределами сферы научного знания. Таким образом, подводя итоги рассмотрения проблемы отличения знания от других продуктов человеческого мышления в истории философии, можно констатировать: знание есть такой результат познавательной деятельности, который может оцениваться как истинный или ложный, допускает эмпирическую или практическую проверку, может быть логически или фактически обоснован.

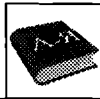
Знание принято разделять на обыденное и научное. Обыденное знание, опирающееся на здравый смысл и повседневный опыт человека, служит для его ориентации в окружающем мире и организации практической деятельности. Считается, что это знание не всегда вербализовано и отчасти суще-

ствует в чувственных образах, в наглядных представлениях о вещах и явлениях. Такого рода знание в элементарных формах присуще уже высшим животным. Обыденное знание относится к отдельным предметам и явлениям, оно не проникает в суть вещей, носит обрывочный и фрагментарный характер. Знание о глубинной структуре предметов и явлений, об их существенных взаимосвязях дает наука. Научное знание отличается систематичностью и опирается на целенаправленные познавательные процедуры. Оно разделяется на эмпирическое и теоретическое знание. Первое является результатом применения эмпирических методов познания и относится к чувственно воспринимаемым вещам и явлениям. В этом отношении оно близко подходит к обыденному знанию. Теоретическое знание выражает существенные, закономерные связи изучаемой области явлений и, как правило, относится к идеализированным, абстрактным объектам. Некоторые исследователи (например, М. Полани) полагают, что в науке — наряду с вербальным — имеется еще и невербальное, так называемое «неявное» знание, представленное навыками, умениями и личным опытом ученого.

Основная проблема, обсуждавшаяся в философии XX в. в связи с понятием знания, это проблема отношения знания, главным образом, научного, теоретического, к реальности. Представители марксистской философии, пользовавшейся широким влиянием в XX в., истолковывали знание как адекватное отображение действительности, т.е. считали, что знание дает нам образ, картину окружающего мира. Такая позиция близка к точке зрения «наивного реализма», считавшего, что предметы и явления окружающего мира таковы, какими они нам представляются. Нетрудно убедиться в том, что это далеко не так. Поэтому представители марксистской философии указывали на особый характер отражения мира в сознании человека, стремились показать, что это — не зеркальное, не буквальное отражение. Однако понятие отражения — важнейшее понятие марксистской гносеологии — так и осталось неясным. Трудно сказать, например, в каком смысле языковое выражение, скажем, предложение «Уголь черен», «отражает» черноту угля. Поэтому если истолкование знания как отражения или описания реальности в той или иной мере разделяется многими философами в том случае, когда речь идет об общей картине мира, создаваемой человечеством в ходе его исторического развития, то в применении к отдельным элементам знания — понятиям, законам, теориям — принцип отражения вызывает трудности и споры. В какой-то мере этот принцип разделяется ныне представителями «научного реализма» (Х. Патнем), стремящимися доказать, что понятиям научных теорий соответствуют реальные объекты и взаимосвязи.

С реалистской интерпретацией знания конкурирует инструментализм, сторонники которого считают, что знание, главным образом, теоретическое, не является отражением или описанием реальности, а представляет собой лишь инструмент для установления фактов, их систематизации и предсказания. Инструменталистская концепция впервые ясно заявила о себе еще

в XVI в., когда была предпринята попытка истолковать учение Коперника не как описание строения Солнечной системы, а как математический аппарат для вычисления положений звезд и планет. И каждый раз, когда в науке происходит смена теорий, связанная с отказом от прежних представлений, инструментализм возрождается. В XX в. в связи с появлением теории относительности, квантовой механики и крушением картины мира классической физики оживились попытки рассматривать теоретическое знание только как инструмент, а не подлинное описание.

Одна из интересных и сравнительно недавних попыток истолкования знания, получившая широкое признание во второй половине XX в., принадлежит австро-британскому философу К.Попперу. Он исходит из невозможности обосновать истинность знания и считает всякое знание принципиально недостоверным. Верно, что научное знание претендует на описание реальности, но наука не может надежно обосновать этих претензий, поэтому получаемое ею знание всегда остается предположительным и ненадежным. Можно сказать, что такая трактовка знания в определенной мере возвращает нас к античным представлениям: истинное знание доступно только богам, люди же вынуждены довольствоваться изменчивым и ненадежным мнением. И к концу XX в. именно такое понимание знания пользуется наибольшим признанием: знание есть такой результат познания, который претендует на адекватное описание реальности, поэтому может оцениваться как истинный или ложный, который может быть рационально обоснован, однако при этом все наши оценки и обоснования относительны, поэтому всякое знание никогда не является абсолютно надежным и достоверным.

И до сих пор нет общепризнанных ответов на многие интересные и сложные вопросы, касающиеся понимания природы знания: считать ли знанием то, что не может быть выражено в языке? В каком смысле можно говорить о ложном «знании»? Если знание оказалось ложным, то не равнозначно ли это «незнанию»? Можно ли говорить о персональном знании или знание всегда intersubjectively? Наконец, самый главный вопрос: в какой мере знание обусловлено особенностями познаваемого объекта, а в какой — деятельностью и особенностями познающего субъекта?

В.П. Филатов

Знание — соответствующее реальному положению дел, оправданное фактами и рациональными аргументами убеждение субъекта. Различают донаучное, научное и вненаучное знание; объективированное знание, выраженное в различного рода текстах, и знание как состояние сознания субъекта; знание-умение, которое также называют «знанием как», и знание-информацию — «знание что». «Знание что» выражает и характеризует некое состояние дел: наличие у предметов определенных свойств, отношений, закономерностей и пр. В эпистемологии главное внимание уделяется анализу последнего вида знания,

ибо только его можно недвусмысленно оценивать как обоснованное и необоснованное, достоверное и недостоверное, истинное или ложное. А именно поиски способов обоснования знания, критериев его достоверности, истинности издавна были основным мотивом философского анализа знания.

Обычно, когда мы говорим, что знаем нечто, то полагаем, что имеем об этом предмете правильное, адекватное представление. Мы также убеждены в том, что наше представление не является заблуждением, иллюзией или только нашим личным мнением. Наконец, мы можем привести какие-то обоснования и аргументы, подкрепляющие это убеждение. Таким образом, в обычной жизни мы считаем знанием такие убеждения, которые соответствуют реальному положению дел и имеют определенные основания. Общий дух этого характерного для здравого смысла понимания знания сохраняется и в эпистемологии, которая вместе с тем уточняет и проясняет заложенные в этом понимании моменты. Стандартная эпистемологическая трактовка того, что «субъект S знает, что P» включает в себя следующие три условия:

(1) *истинности (адекватности)* — «S знает, что P, если истинно, что P»

Некто знает, что Санкт-Петербург расположен севернее Москвы, если Санкт-Петербург действительно расположен севернее Москвы. Если же он утверждает обратное, то его утверждение будет не знанием, а ошибочным мнением, заблуждением.

(2) *убежденности (веры)* — «если S знает, что P, то S убежден (верит) в P»

Когда некто знает, что в России есть президент, то он должен быть убежден, что этот президент действительно существует. С субъективной стороны знание, собственно, и есть такое убеждение, их невозможно разделить.

(3) *оправданности* — «S знает, что P, когда может обосновать свое убеждение в P». Это условие позволяет отграничить знание от счастливых догадок или случайных совпадений. Человек знает нечто, если он может обосновать, оправдать свое знание. Если, например, он угадал правильный ответ в задаче по математике, но не может его доказать, то нельзя считать, что он обладает знанием.

Из этой «трехчастной» трактовки и вытекает краткое определение: знание есть адекватное и оправданное убеждение. Такое понимание знания является наиболее распространенным в современной эпистемологии и получило название «стандартного». Однако у этого понимания есть проблемы. Одни носят общий характер: все ли виды знания укладываются в такое понимание? какую теорию истины здесь нужно применять? На более конкретные трудности указал в 1963 г. Э.Леттиер в статье «Является ли знанием истинное и обоснованное мнение», приведя примеры, показывающие, что стандартная трактовка не содержит достаточных условий для того, чтобы высказывание могло считаться знанием.

Подобных контраргументов можно избежать, если сделать определение знания более строгим, в частности, потребовать, чтобы высказывания, претендующие на статус знания, обосновывались только такими посылками и

данными, которые можно рассматривать как достоверные, безошибочные. Однако такой ход приводит к классическому эпистемологическому фундаментализму, а именно, к представлению о том, что знание должно строиться на твердых и безошибочных основаниях. Эту позицию можно найти уже у античных философов, а в наиболее четком и программном виде ее декларировали в новое время Ф.Бэкон и Р.Декарт. В эпистемологическом фундаментализме все представления разделяются на два класса: те, которые основываются или выводятся из каких-то других, и те, истинность которых не основана на достоверности других положений. Они основаны на самих себе и считаются последним основанием, фундаментом знания. Структура знания в таком понимании напоминает устройство крепкого дома: предполагается, что в знании существуют твердые, неподверженные ошибкам базисные элементы, на которых как на фундаменте воздвигается с помощью логически контролируемых процедур надстройка всего остального знания. Однако ни рационалистический фундаментализм, основоположником которого был Декарт, ни эмпиристский фундаментализм, идущий от Бэкона, не смогли показать, что существуют некие идеи или же данные чувственного опыта, которые могли истолковываться как абсолютно достоверные и в принципе не подверженные ошибкам. Первой начала сдавать позиции программа рационалистического фундаментализма, поскольку терпели неудачу все попытки обнаружить среди многообразия идей некие абсолютные, всеми разделяемые первые принципы и аксиомы знания. Но и эмпирики не преуспели, поскольку их представления о том, что в основе знания лежат некие чистые и непогрешимые чувственные данные, в XX в. стали рассматриваться как «догма эмпиризма».

В современной эпистемологии вопрос об обоснованности знания или снимается и заменяется проблемой его приемлемости в определенном концептуальном каркасе, или решается с нефундаменталистских позиций (поздний Витгенштейн, Поппер и др.). Эпистемологи также стремятся прояснить, в каком отношении определенный вид знания может рассматриваться как исходный или первичный, и как связаны между собой основные виды знания. К таковым обычно относят: перцептивное знание (чувственно данное), повседневное знание (здравый смысл) и научное знание. Первичность перцептивного знания заключается в том, что оно представляет собой исходный контакт человека с реальностью. Знание здравого смысла первично в концептуальном отношении, поскольку в среде объектов обычного повседневного опыта сложился наш язык и сформировались наши основные понятия. Знание об объектах науки, особенно о микрообъектах (электронах, атомах, генах и т.п.), первично в онтологическом отношении, поскольку, мы обычно считаем, что устанавливаемые наукой законы поведения этих объектов дают наиболее достоверное и согласованное объяснение того, что существует и происходит в мире, в том числе и того, почему в мире существуют вещи и как мы их воспринимаем нашими органами чувств.

И.Т. КАСАВИН

Знание — форма социальной и индивидуальной памяти, свернутая схема деятельности и общения, результат обозначения, структурирования и осмысления объекта в процессе познания.

Дефиниция термина «знание» является фундаментальной проблемой, решение которой отличает философию от науки и иных форм рефлексии о познании, а также одну теоретико-познавательную концепцию от другой.

Со времен элеатов, атомистов и Платона знание характеризуется через свою противоположность мнению. Глубокое, полное и совпадающее с объектом знание противопоставляется иному — поверхностному, фрагментарному и отклоняющемуся от подлинной реальности знанию, фактически лишаемому позитивного статуса и объявляемого заблуждением. Это — онтологическое представление о знании как образе скрытой реальности, которое постольку составляет, поскольку совпадает с последней (теория корреспонденции). Использование вещных аналогий («копия», «слепок», «отпечаток», «отражение») обнаруживает истоки данного представления в сакральных верованиях симпатической магии, согласно которой подобное таинственно порождается подобным. Современные реалистические эпистемологии стремятся десакрализировать процесс «пересадки в голову» предметного содержания с помощью достижений нейрофизиологии и теории информации.

Античный скептицизм и сократическая диалектика, напротив, связали знание в большей степени с методом его получения, чем с предметом-прототипом. Всякое мнение или убеждение нуждается в процедуре *обоснования*, чтобы обрести позитивный познавательный статус. Знание, тем самым, рассматривается не как связь ментального состояния с его прототипом во внешней реальности, но как согласованность элементов опыта между собой, выступающая в форме *оправданного убеждения, связи высказываний, дискурсивной системы* (теория когеренции). Такой подход, представленный в Новое время картезианством и берклианством и означавший переход от онтологического к *собственно теоретико-познавательному образу знания*, дает возможность современным философам-аналитикам фактически редуцировать теоретико-познавательные проблемы к лингвистическим.

От Аристотеля ведет свое начало целый ряд представлений о знании, в том числе о *знании как умении*. Знать нечто (ремесло, язык, обряд) означает уметь практиковать, пользоваться, воспроизводить его. В таком случае знание рассматривается как схема деятельности и общения, как функция всякой человеческой активности (функционализм). Представленный сегодня социологическими и прагматистскими эпистемологиями, данный подход сочетает в себе элементы теорий корреспонденции и когеренции.

В настоящее время назрела необходимость расширить традиционное, идущее от И.Канта и позитивистов представление о форме знания как утвердительном высказывании с субъектно-предикатной структурой, которому все-

гда может быть сопоставлена истинностная оценка. Здесь стоит вспомнить о том, что уже Аристотель фактически признавал многообразие типов знания (эпистеме, докса, пистис, техне, эмпейриа и т.п.). Не только обыденное суждение, эмпирическое протокольное предложение или научная теория, но и философская проблема, математическая аксиома, нравственная норма, художественный образ, религиозный символ имеют познавательное содержание. Ведь все они характеризуют исторически конкретные формы человеческой деятельности, общения и сознания, связанные с адаптацией, ориентацией и самореализацией во внешнем и внутреннем мире. Поэтому полная дефиниция термина «знание» может строиться лишь по принципу «семейного сходства» (Л. Витгенштейн), как исчерпывающая *типология знания*, совмещающая разные принципы выделения типов.

Средневековые дискуссии об универсалиях и сферах компетенции науки и теологии поставили проблему *опытного и внеопытного знания*. Она выступала в форме соотношения приобретенных и врожденных идей (Декарт), впечатлений и идей (Локк, Беркли), истин факта и истин разума (Лейбниц), области эмпирического (апостериорного) и трансцендентального (априорного) (Кант). Чувственная образность, зависимость от условий, частный, приблизительный характер опытного знания отличает его от умозрительности, абстрактности, точности, безусловной всеобщности внеопытного знания. Однако в настоящее время не представляется возможным обосновать существование абсолютно внеопытного знания — во всяком знании выявляются опытные элементы. При этом сам опыт перестает пониматься как нечто монолитное и однообразное (индивидуальный и коллективный, творческий и рутинный, практический и мысленный и т.п.), поэтому противоположность опытного и внеопытного знания рассматривается как относительная, связанная с взаимодействием разных контекстов опыта. Так, сложные логические структуры, выступающие для индивида в конкретной ситуации как априорные, являются для него же результатом постепенного развития его опыта логического мышления, а в конечном счете — плодом совокупного коллективного человеческого опыта. И напротив, простейший чувственный опыт (ощущения цвета, вкуса, запаха) обнаруживает по отношению к индивиду и группе элементы внеопытности, как скоро в нем определяющую роль играют устойчивые, общепринятые вкусы, предубеждения, традиции.

Оппозиция *практического и теоретического знания* не совпадает с делением по критерию опытного содержания или происхождения. И теоретическому, и практическому знанию соответствует собственная сфера опыта, и их различие кроется, скорее, в формах *функционирования* знания. Так, *практическое знание* вплетено в деятельность и общение, слито с ними, направлено на их ситуационное обслуживание и обладает слабой рефлексивностью. Оно не *вырабатывает* смыслы, которыми обладают предметы и способы деятельности, но *транслирует* их в данную практику из других контекстов опыта. В практической политике, к примеру, доминируют, помимо элементов научно-

сти, заимствованная из религии оппозиция сакрального и профанного, мифотворчество и магическая методика подмены терминов и ситуаций, психологическая и биологическая (организмическая) терминология. В производственной практике воспроизводятся как научно-технические знания, так и натурфилософские образы слитности человека и объекта, человека и орудия, отождествления природы с Богом, организмом, машиной.

Теоретическое знание, напротив, ориентировано на выработку новых смыслов и внесение их в реальность (философия, теология, идеология, наука). Оно в той или иной степени дистанцировано от объекта и содержит, скорее, схемы специфической деятельности (дискурса, исследования) и общения (диспута, диалога), обретающие форму понятий, законов, теорий в ходе их рефлексивной разработки. Практическое знание имеет, как правило, *невяный*, невербальный, ритуализированный характер (М.Полани), в то время как теоретическое знание предполагает *явную* текстуально-словесную форму. Оба эти типа знания содержат *дескриптивные* и *нормативные* компоненты, но только теоретическое знание предписывает законы самой природе (естествознание). Теоретическое и практическое знание могут содержать *научные* и *внеаучные* элементы, причем само понятие *научного знания* не исчерпывается какой-либо дефиницией в образе родовидового отличия, но формулируется исходя из его социологической принадлежности науке как социальной системе. Всякий тип знания может быть содержательно охарактеризован только как элемент целостного культурно-исторического комплекса (науки, техники, религии, мифа, магии). Поэтому исчерпывающая типология знания фактически совпадает с историей культуры.

В самом общем виде знание можно определить как *творческое, динамическое измерение сознания*, как скоро всякое сознание существует в форме знания (К. Маркс). Знание выступает как *объективная идеальная форма* всякой деятельности и общения, как их *возможная форма* в том смысле, что оно представляет собой предпосылку расширения горизонта человеческого бытия. Знание есть не только *преобразование опыта в сознание* путем структуризации, обозначения его элементов, не только фиксация опыта в социальной памяти. Оно является способом *трансформации* знаковых систем, сознания, деятельности и общения, придания им *новой формы*, т.е. *нового смысла и значения*. Знание возникает как *осмысление* человеком контекстов своего опыта. В таком случае всякий тип знания выступает как смысл, вносимый в специфическую реальность (производственную практику, социальную регуляцию, ритуальный культ, языковой текст). Тем самым знание есть *различение* этих реальностей и контекстов опыта друг от друга как возможных сфер реализации человеческих способностей. Способность знания служить расширению культурно-исторического контекста человеческого бытия есть основа для его оценки в терминах таких оппозиций как точность-приблизительность, достоверность-вероятность, сущность-видимость, творчество-репродукция, истина-заблуждение.